

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

БОЛЬШИНСТВО из нас знает Гоги Кавтарадзе прежде всего как актера. Даже те, кто редко бывает в кино, все равно видели его, если не во всех тридцати фильмах, то уж в знаменитой грузинской «Свадьбе» — безусловно. С тех пор прошло два десятилетия. В эти весенние дни мы снова встретились с Гоги Кавтарадзе в Москве, куда он приехал на гастроли с Сухумским грузинским театром имени К. Гамсахурдия. Кавтарадзе возглавил его три года тому назад. Конечно, это еще не срок для подведения итогов. Новому руководителю всегда непросто найти общий язык с коллективом, у которого есть свою традиции, свою историю. Но Кавтарадзе настроен оптимистически. Может быть, оптимизм этот произрастает из собственного опыта?..

Многие современные режиссеры приходят к выбору профессии, пройдя круги «актерского ада» с его непостоянством и зависимостью. Гоги Кавтарадзе — исключение из общего правила. Еще со школьной скамьи он мечтает стать режиссером, смотрит все спектакли, много читает, интересуется музыкой, живописью, историей и, конечно, футболом: иначе, какой бы он был грузин? Но в правилах приема на режиссерский факультет Театрального института имени Шота Руставели четко сказано: к участию в конкурсе допускаются лишь те, кто имеет не менее двух лет стажа работы в театре. Кавтарадзе из тех, кто не ищет для себя каких-то особых условий. Поэтому Гоги поступает в Театр имени Кота Марджанишвили. За несколько лет ему довелось испробовать себя почти во всех театральных профессиях — от монтировщика декораций до участника массовок.

«Театральные университеты» Кавтарадзе начинались в ту пору, когда на этой сцене еще царили ученики и соратники выдающегося режиссера Кота Марджанишвили — великие старики грузинского театра. Здесь же на юношу без актерского образования обратил внимание Гига Лордкипанидзе, когда приступил к репетициям инсценировки романа Нодара Думбадзе «Я вижу солнце». И поручил ему первую роль со словами. Забегая вперед, замечу, что образ подростка Соски положил начало теме: «Театр Думбадзе и Кавтарадзе».

После окончания режиссерского факультета, где он учился у Михаила Туманишвили, недолго проработав в знаменитом Театре имени Шота Руставели, он в двадцать восемь лет возглавил драматическую труппу в Батуми, а затем в течение шести лет руководил Кутаисским театром имени Л. Месхишвили. Как и прежде, Кавтарадзе считает, что строить театр любой ценой, без уважения к людям, отдавшим ему всю свою жизнь, безнравственно и потому невозможно. Переходя в новый

коллектив, он никогда не сминает за собой актеров, чтобы не создавать взрывоопасную обстановку. Другое дело — пополнение труппы воспитанниками Театрального института. Надо время позаботиться о том, чтобы привести в соответствие возраст артистов и героев, которых они должны играть. Нельзя, чтобы прошлые заслуги становились главным при распределении ролей сегодня. Рядом с замечательными мастерами старшего поколения М. Чубинидзе, Т. Болквадзе, Т. Баблидзе, Ф. Шедания, С. Пачкория в Сухумском театре уверенно заявляют о себе молодые...

Не следует бояться приглашать со стороны талантливых коллег, можно многому научиться, считает Кавтарадзе. Из шести показанных в Москве спектаклей два поставлены «гастролерами»: «Закон вечности» — Гизо Жордания, «Венецианский купец» — Додо Алексидзе (работа эта стала лебединой песней выдающегося мастера советского театра). И хотя давно известно, что В. Шекспир обрел у нас свою вторую родину, «Венецианский купец» редко ставился на советской сцене. Тем больший интерес вызвала к себе работа грузинского театра.

В решении этой сложной комедии Алексидзе исходил из пушкинского понимания Шекспира: «У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадо-любив, остроумен...» Да, Шейлок жесток, мстителен, кровожаден. Но подумайте, каким образом он стал таким? Разве не Антонио и его друзья, разве не их зоологическая ненависть к нему, как к существу более низкому, родила в нем ответное чувство? Кавтарадзе видит в Шейлоке человека, отстаивающего собственное человеческое достоинство. Он впервые получает юридическое право чувствовать себя равным Антонио, что сообщает его поведению особую, преувеличенную торжественность. Она сказывается в его слишком важной походке, в стремлении необычайно высоко держать голову. Но посмотрите, как при этом он то и дело вздрагивает, оглядывается по сторонам, как не уверен в своей окончательной победе. На этой заложенной Шекспиром двойственности и противоречивости характера и строит свой спектакль Алексидзе, находя поддержку у Кавтарадзе, художника Т. Дидашвили, композитора С. Цинцадзе.

Еще в юности Гоги Кавтарадзе решил посвятить себя режиссуру. Но так случилось, что на пути к осуществлению своей мечты ему довелось стать актером. Вряд ли нынешний Гоги Кавтарадзе сожалеет об этом. Как не сожалеют об этом и все, кто вот уже двадцать с лишним лет с интересом следит, как мучает его талант, как зреет мастерство, как он становится тем, кто есть.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.